

Николай ПОЛОТНЯНКО

ИЗ ГЯЗИ ДА В КНЯЗИ

Житийная историйка
умника Андрюшки Козырева

Глава 2. В УЧЕБКЕ ЗА 20 ЛЕТ ДО КОММУНИЗМА¹

Козырева призвали поздно, уже в конце декабря. В вагоне ему досталась самая верхняя багажная полка, на которой он пролежал все семь суток, пока поезд тащился до Бердичева, где размещалась учебная дивизия.

Из вагонов вывалили шумной оравой. Призывников кое-как построили и повели по голым бесснежным улицам мимо тихих и аккуратных домиков. Было ещё довольно тепло, и в прохожих из колонны летели старые телогрейки, куртки, пальто: призывники по традиции освобождались от ненужных гражданских вещей. Андрюшка тоже сорвал с себя телогрейку и швырнул в палисадник какого-то дома, но она не перелетела через забор и осталась висеть на колу, а голова огромной колонны уже втягивалась на Красную гору, где стояли старые, ещё царской постройки, казармы.

Старослужащих в учебном батальоне связи, куда попал Козырев, было всего несколько человек — все сержанты, командиры отделений, они-то и взяли молодняк в оборот: построения, строевая, отбой, подъем, всё на каком-то механическом заводе и с надрывной руганью.

Андрюшка входил в службу с трудом, он никак не мог понять, почему его могут поднять среди ночи, заставить выполнять работу, которую можно сделать и днем. Он пробовал стараться, тянулся, забегал в своем рвении впереди приказа, но из этого выходило порой неожиданное.

Учил Андрюшку уму-разуму старшина Шлопак, пожилой, начавший служить в армии еще с финской войны служака, весь до корней волос пропитанный уставами. Дневальные не расставались с половыми тряпками, и однажды Козырев, чтобы угодить начальнику, вымыл не только проход между койками в казарме, как приказал старшина, но и под койками.

Старшина вышел из каптерки, увидел его работу и затопал по цементному полу коваными сапогами.

— Вам было приказано мыть от сих и до сих! — кричал Шлопак, наливаясь густой краснотой. И заставил перемывать всю казарму.

Несгибаемый был старшина. Железобетонный. Чугунный, как памятник. Но однажды Андрюшке довелось видеть, как этот человеческий монолит треснул от одного слова, даже не от слова, а от интонации, междометия.

Готовились к приезду московского начальства — скребли, мыли, чистили казарму, наводили марафет в тумбочках и под тумбочками, выравнивали постели по нитке. Шлопак перебрался жить в ротную каптерку. Солдат издергали работой и придирками. Их не по одному разу заставляли подстригаться, пришивать подворотнички, чистить оружие, упаковывать вещмешки, противогазы.

¹ Глава 1 опубликована в №14 «Невского проспекта» в качестве отдельного рассказа «Умник».

Перед решающим днем командир дивизии пришел в казарму. Андрюшка стоял дневальным у тумбочки и, увидев невысокого юркого полковника, заорал благим матом:

— Дежурный на выход!

Вместо дежурного выскочил Шлопак и отпрапортовал комдиву. Полковник осмотрел казарму и остался доволен.

На следующий день с той же лихостью Шлопак докладывал проверяющему, высокому, голенастому, как аист, генерал-полковнику со свитой разных чинов и подчинков. Комиссия осмотрела расположение роты, пирамиды с оружием, ленкомнату, бытовку, умывальню. Собирались было уходить, уже генерал-полковник тянул руку Шлопаку для благодарственного пожатия, как один московский полковник выковырял из-под пирамиды с оружием окурков, обыкновенный раздавленный сапогом чинарик.

Положительная картина была смазана. Комиссия поскучилась, генеральская рука вместо рукопожатия убралась за спину. Комиссия ушла, а комдив на прощание укоризненно сказал старшине:

— Эх, Шлопак, Шлопак! — и ушел, не сказав больше ни слова.

В перерыве между занятиями Козырев прибежал в казарму за конспектом и по пути заскочил хлебнуть воды в умывальник. Дверь в старшинскую каптерку была приоткрыта, и оттуда доносились хриплые лающие звуки. Шлопак, уронив голову на стол, горько рыдал. Козырев остолбенело смотрел на старшину, а тот махнул рукой, мол, уйди, и стал вытирать лицо полотенцем.

Отстреляв начальное упражнение из автомата и приняв военную присягу, Андрюшка все равно не понимал суть службы, почему нужно было делать так, как скажут, а не так, как подсказывает свой разум.

Командир роты капитан Белозубов как-то при случае объяснил ему кое-какие армейские азы. Крикливый был капитан, заполошный, в батальоне все — и офицеры, и солдаты — за глаза звали его «начальник паники». Залетит в расположение роты, подбегает к одному:

- Чем занимаетесь, курсант Гонохов?
- Чищу оружие, товарищ капитан.
- Логично. Логично.
- А вы чем занимаетесь, курсант Калапуц?
- Учю уставы, товарищ капитан.
- Логично. Логично.

Однажды Андрюшка, заинтересовавшись логикой Белозубова, обратился к командиру роты:

- Товарищ капитан, вот вы все время говорите: логично, логично. А что это такое? Белозубов подвел Козырев к окну:
- Вот видишь крышу на штабе?
- Вижу.
- А видишь, водосток спускается по стене?
- Вижу.
- Вот так и твоей жизни когда-нибудь придет капец.

Весной роту подняли по тревоге и повели в парк боевых машин. Было где-то двенадцать часов ночи. В парке солдатам показали здоровенный штабель облитых льдом бревен и приказали к завтраку их ошкурить.

Андрюшка саперной лопаткой елозил по обледенелому бревну, стараясь подцепить кору, и недоумевал, почему эту работу нельзя сделать днем, когда лед оттает. Мыслями он поделился с командиром роты. Выдернутый из теплой жениной постели, Белозубов хмуро посмотрел на курсанта и пробурчал:

— Вопросы, опять вопросы. Умник, я посмотрю, вы Козырев. А знаешь ли, дорогой мой, что сейчас эту кору нам приказали сдирать, а завтра могут приказать наращивать ее обратно, и мы будем делать это без звука. В этом и состоит смысл армейской службы. Ясно?

— Так точно! — сказал Андрюшка и пошёл сдирать кору.

Матери он писал редко, но с Антоном переписка шла оживленно. Письма друга были для Андрюшки отдушиной, через которую он общался с утраченной волей. Это были даже не письма, а целые философские трактаты, в которых они, в меру своего разума, излагали свои взгляды на текущую политику, в чем понимали очень и очень мало. Началась заваруха с Китаем, писали они и о Китае, находя разительное сходство между ними и нами с разницей в двадцать пять — тридцать лет. Стало плохо с хлебом, в столовой давали какой-то желтоватый, с кукурузой. Козыреву он нравился, а другим — нет. Желудочник командир взвода лейтенант Стецко носился по военному городку

с талонами на отоваривание диетическими продуктами. К чаю в солдатской столовой перестали давать белый хлеб. Словом, было о чем подумать, пораскинуть мозгами.

Но учить его армейскому уму-разуму особенно было некому, да и некогда. День в учебке расписан по минутам: подъем, завтрак и радиокласс. Ритм учебы напряженный, и чтобы курсанты не отставали, их нарядами и «губой» старались не нагружать. Впрочем, народ в батальоне был подобранный и дисциплинированный, воспитывать ломом и посудомойкой было некого, кроме Козырева, но, в конце концов, и на него махнули рукой. Дисциплину он не нарушал, просто разговорчив был не в меру.

Азбука Морзе давалась Андрюшке с трудом, хотя он старался изо всех сил, бормотал себе под нос буквы, развивал кисть руки и старательно выполнял все указания замкомвзвода Ковалю, который вел практические занятия.

Со временем дела у него пошли на лад. Ему удалось вжиться в ритмику морзянки, а это было главным, ведь радист передает и принимает текст своим особым радистским зрением и слухом.

«Я на горку шла», — поет морзянка, а рука автоматически выводит двойку. «Дай, дай закурить», — это семерка.

За полгода постоянных тренировок Козырев так вжился в радииную музыку, что уже мог отстучать на ключе любой текст даже пальцами ног, если бы это понадобилось.

В мае контрольная по приему и передаче на ключе неожиданно выдвинула Козырева в отличники, и его назначили старшим группы во время проведения сеансов практической радиосвязи на расстоянии.

Погрузив радиостанцию и блоки питания в машину, курсанты выехали на точку за тридцать километров от расположения военного городка. Низкие душные землянки, выкопанные на краю небольшого поросшего камышом болотца, еще не просохли, двери кто-то сорвал с петель, поэтому сначала занялись ремонтом. По совету Ковалю землянку сушили костром.

На зеленой лужайке между ивовыми кустами развернули дипольную антенну, и Коваль проверил устойчивость прохождения радиосвязи. С городком он связался быстро, и из приемника посыпалась дробь морзянки. Затем, отключив радиостанцию, он уехал домой, оставив до утра Андрюшку за старшего.

Землянка просохла, радисты натаскали в нее прошлогодней соломы, застелили плащ-палатками. Ужинали, разогрев консервы на костре, гречневой кашей с мясом, сосали, размочив в чае, ржаные сухари. После ужина всех потянуло в сон, и первым дневалить никому не хотелось. Пришлось Козыреву заступать на пост. Он взял книгу, бумагу и вышел из землянки.

Солнце уже до половины погрузилось в землю и яростно сжигало обступившие его тучи. Над болотцем, подернутым легкой белесой дымкой, грохотал лягушачий концерт. Шум был звонкий, бьющий в уши, будто работал какой-то механический цех. Щелканье, свистение, хохот сливались в одну шумовую завесу, которой управлял невидимый дирижер.

Андрюшка схватил кусок дерна и швырнул его в камыши. Лягушки затихли на мгновение и заквакали еще громче и пронзительнее. Радийная команда уже храпела, и он, подключив к аккумулятору переноску, стал писать Антону письмо.

«Живу, как графин, — писал он. — Каждый гад норовит за глотку ухватить. А если осовременить эту присказку, как электрон, вращаюсь в поле тяготения своего атома — командира, у которого интересная кличка. Зовут его, за глаза конечно, «мятым» или «жеваным», он вечно ходит в неглаженном обмундировании и любит запускать руки до локтей в карманы собственных штанов. Вообще не поймешь, чего больше в службе — грустного или смешного. Вчера один из нашей роты Санька Губарев был в самоволке, к жене ходил, она приехала вместе с ним и живет неподалеку от части. Командир роты в связи с этим случаем целый час философствовал перед строем, хотя мысль его можно уложить в одну строку. «Через меня, — сказал он, — прошла не одна тысяча таких, как вы. И я твердо знаю, что у солдата на уме только водка и бабы, реже бывает, что бабы и водка». Вот такая философия у нашего ротного.

Командиры взводов — сачки, видим их редко, всем нашим воспитанием заведует старшина и командиры отделений. Старшина, я тебе скажу, тип! Ежедневно спрыскает нас уставами, а недавно побывал на каком-то семинаре и сейчас излагает учение о темпераментах, которое в его исполнении звучит примерно так: «Вы что, Сидоров, холерик? Вы что, Иванов, меланхолик? Если хотя бы раз в день вам будет приходиться в голову умная мысль, вы станете умными людьми».

Я теперь, Антон, знаю, на сколько сантиметров от стены должна стоять койка, сколько человек положено на одно очко в сортире и массу других вещей, без которых немислима моя теперешняя жизнь.

Читаю мало, конспекты да уставы. Но думать не возбраняется. Ты спрашиваешь, читал ли я Лященко? Да, читал. Вопрос коллективизации в нашей стране —

запутанная история. Но одно надо учитывать непременно: Сталин панически боялся крестьянской стихии, которая повседневно выделяет из себя буржуазию, по-моему, это представлялось ему как некий химический процесс вроде брожения, который необходимо было запретить, что он и сделал. Собственно, в тех временах кроются истоки поворачивания вспять рек, воспитания пшеницы и прочая ересь. Что до крестьянства, так его сейчас попросту нет, потому что у тех людей, что проживают в сельской местности, нет земли и нет бога, а без этих двух вещей крестьянин, особенно русский, немислим...

Теперь о нашем государственном вагоновожатом, Никите Сергеевиче. Думается, скорость он развил запредельную и вылетит, даже очень скоро, потому что мчит не по рельсам, а по собственным головным конструкторам, а умозрение — вещь в политике чрезвычайно опасная. Потом для Мао он — что красная тряпка для быка. Порой даже любопытно наблюдать, как он рубит сук, на котором сидит (я имею в виду всякие перестроения в аппарате власти). Словом, его судьба предрешена. Но нам-то что?.. Пусть их...»

Лампочка помигала и погасла. Аккумулятор разрядился, и Андрюшка, сунув письмо в книгу, растолкал сменщика. Мигая сонными глазами, тот сел у входа в землянку, а Козырев завалился спать на его нагретое место.

Через неделю по батальону будто прошла нервная судорога — все командиры, от отделенных до комбата, стали суетливы и крикливы: в вещевых мешках и тумбочках был произведен тщательный обыск, с дверок тумбочек были содраны все красавицы, бумаги тщательно перелистывались, флажки и котелки вынюхивались, но причины переполоха не знал никто.

Возле тумбочки Козырева старшина замер в недоумении. Он уже нацелился тесаком содрать прилепленную к внутренней стороне дверки картинку, но вместо полуобнаженной девы увидел бородатого дядьку. Это был Хемингуэй.

— А, Карл Маркс, — уважительно сказал Шлопак и направился к следующей тумбочке.

Вечером батальон был построен на плацу. После обычных уставных формальностей к личному составу обратился замполит.

— Товарищи! — закричал он. — В нашем батальоне произошло чрезвычайное происшествие. Налицо — враждебная вылазка! — батальон дрогнул и затих. В руках замполита трепетал серый, похожий на застиранный носовой платок, листок бумаги.

— На радийной точке, — продолжал кричать замполит, перекрывая шум деревьев, — найден вот этот грязный пасквиль. И он написан рукой одного из вас. Конечно, мы найдем автора, но будет лучше, если он признается во всем сам.

Все молчали. Козырев смотрел на листок бумаги, трепыхавшийся в руке замполита, и до него, наконец, дошло, что это его письмо, которое он так и не дописал, а потом потерял в суматохе, когда им передали сигнал тревоги и они, путаясь в растяжках и проводах антенн, срочно выехали в расположение батальона. Тревога, разумеется, была учебной, но Коваль торопил своих радистов изо всех сил, вот Андрюшка и потерял в суматохе и книжку, и письмо приятелю на гражданку.

«Что их там так переполошило?» — недоуменно подумал он и легонько стукнул по плечу стоящего впереди курсанта. Тот отошел в сторону, и Андрюшка, клакая вбитыми в каблучки сапог шариками от подшипников, отпечатал ровно десять шагов и повернулся через левое плечо кругом.

— Это вы писали? — подскочил к нему замполит и сунул в лицо листок бумаги.

— Так точно! Но почему письмо у вас? Тайна переписки...

— Молчать! — закричал комбат. — Увести его в штаб.

В кабинете комбата собрались его заместители и командир роты Белозубов. Письмо было оглашено вслух, и чтение сопровождалось возмущенными возгласами всех присутствующих.

— Кто вам давал право позорить старших по званию? — кипятился замполит. — Кого вы имели в виду, когда упомянули кличку «Мятый»?

— Видите ли, — замялся Андрюшка, — меня заинтересовала неожиданность прозвища.

— Отвечайте на поставленный вопрос!

Все выжидательно смотрели на курсанта, и было видно, что кое-кого создавшаяся ситуация просто-напросто забавляет.

— Я не думаю, чтобы вы этого не знали, — рубанул Андрюшка напрямик. — «Мятым» в батальоне зовут подполковника Астапова.

Комбат, побагровев, вытащил руки из карманов и резко подбросил их вверх, сжав кулаки.

— Я — мятый? — с сиплым выдохом произнес Астапов. — Пять суток ареста! Нет,

семь! Нет, десять! Капитан Белозубов, выполняйте приказ!

Но не зря командирам рекомендуется отдавать обдуманнные приказы. Гауптвахта была на ремонте, и, прогулявшись по городу, старшина и Козырев вернулись в казарму.

— Какой черт тебя за язык тянет, — вздохнул Белозубов. — Сиди и помалкивай в тряпочку.

Но помолчать Андрюшке не удалось. На следующий день его вызвал замполит батальона. Худший вид беседы командира с подчиненным — доверительный разговор, когда из провинившегося вытягивают душу, и с первых слов замполита Козырев почувствовал, что тот основательно подготовился к разговору: прочитал его личное дело, поговорил с командиром взвода и сержантами.

— Ну, как служится? — отечески спросил замполит.

— Нормально.

— Говори-говори, — настаивал майор. — У меня сложилось впечатление, что ты чего-то недоговариваешь.

— Все у меня нормально, — замкнулся в себе Андрюшка.

— Как же нормально? — не согласился замполит. — Командиров дураками считаешь, коллективизацией недоволен, потом на кого замахнулся, — майор поднял голову на висевший в кабинете портрет Хрущева.

Молчать бы Андрюшке, посапывать в две дырочки, так нет — понесло его опять, будто продолжение письма строчил Антону.

— Я не против коллективизации, товарищ майор. Я просто хочу разобраться, где я живу, с кем живу и как живу. А насчет этого, так он такой же, как и все, просто должность повыше, но есть выше его должности.

— Это какие же должности? — нацелился острым взглядом на курсанта замполит.

— Должность человека.

— Вон тебя куда заносит. Значит, мы все не в ногу идем, а один ты — в ногу. Газеты читаешь? Врагов социализма вон еще сколько. На чью мельницу воду льешь?

— Самый главный враг социализма — мы сами, с нашей неправдой во имя высшей цели, со слепотой, чтобы якобы видеть дальше, с нашей глухотой равнодушия к человеку.

— Ах ты, говорун! — вскипел замполит. — Да знаешь ли ты, что нам нужны стойкие, закаленные бойцы! Убежденные в своей правоте люди!

Неприятности для Андрюшки на этом не закончились, а только начались. Не проходило ни одной политической информации, политзанятий и всяких собраний, чтобы на Козырева не показали пальцем как на отщепенца.

— В то время как весь советский народ, — обычно заводил выступающий, — выполняя решения двадцать второго съезда партии, в едином строю идет к намеченным целям по созданию материально-технической базы коммунизма к тысяча девятьсот восьмидесятому году, в нашей среде еще находятся люди, которые занимаются злопыхательским критиканством...

Не трогал Козырева только капитан Белозубов.

— Ты всю мою диспозицию нарушил, — сказал как-то он. — Я был убежден, что для солдат главное — водка и самоволка, а теперь просто не знаю, куда тебя определить в своем гербарии.

Выпускные экзамены в учебке Козырев сдал на «отлично» по всем предметам, включая и уставы, которые вызубрил чуть ли не наизусть. Однако приехавшие за пополнением специалистов офицеры из войск почему-то не спешили ухватиться за Козырева. Уезжали на теплые местечки даже те, кто учился гораздо слабее Андрюшки, а он остался в казарме с самыми что ни на есть слабаками.

Но дошел черед и до него. Он собрал вещмешок, получил проездные документы и уехал, ни с кем не простившись и не испытывая сожаления от расставания с учебкой.

Глава 3. ИЗ НИЧЕГО В СЕРЖАНТЫ

Через двое суток команда младших специалистов прибыла в Закарпатье. Прямо с поезда ее привели к штабу соединения и построили в две шеренги. На крыльцо вышел командир дивизии генерал-майор Павлов и весьма любопытно поприветствовал пополнение:

— Поздравляю с прибытием в край вина и триппера! Но я надеюсь, что вы проявите мужество и выдержку, и устоите против соблазнов. Запомните, что недалеко от этого места дислоцируется дисциплинарный батальон, и никому из вас дорога туда не заказана! Трибунал расположен рядом с моим штабом, он работает круглосуточно, без выходных!

Андрюшка выслушал речь комдива с большим интересом: молодец мужик, правду-

матку режет, не оглядываясь. Слова генерала пришили по сердцу и остальным — вино, триппер (тьфу-тьфу!), значит, жить здесь можно.

Только генерал ушел, как к команде устремились офицеры, а впереди всех майор, который громко выкрикнул:

— Начальник сто двадцать пятой радиостанции, ко мне!

Строй сломался, танкисты, мотострелки, артиллеристы устремились к тем, кто их вызывал. Майор возвышался над всеми, оглядывался по сторонам, но к нему явно никто не спешил. Андрюшка догадался, что он явился по его связистскую душу.

— Товарищ майор, рядовой Козырев прибыл для дальнейшего прохождения службы!

— Ага, явился! — обрадовался майор. — Стой здесь, я твои документы возьму, и поедем в полк.

В строевом отделе папочка с личным делом Козырева лежала отдельно от остальных. Капитан отдал её майору и буркнул:

— Интересного курсанта тебе учебка подкинула.

— Что так?

— Сам прочти. Скажи спасибо, что предупредил, я и сам личное дело случайно открыл, потому что отдельно от других было. Так что, майор Булгаков, поздравляю тебя с ценным приобретением.

Майор распахнул папку и принялся читать служебную характеристику Козырева.

— Да, — сказал он. — Ясное дело — умник! Но я, капитан, и не таких обламывал. А вот оценки у него отличные. У меня ведь ни один на ключе работать не умеет. А характеристику этому Козыреву я сам напишу, со временем.

Мотострелковый полк находился в Берегово, небольшом уютном городе рядом с венгерской границей. Жили в нем мадьяры, весьма отличный от русских народ, это Андрюшка сразу заметил, манерой одеваться: только въехали в город, как им попался мужик в хромовых сапогах, галифе, перешитых из полушерстяных солдатских штанов, в пиджаке, за ленту шляпы заткнуто радужное петушиное перо. «Европа! — покрутил головой Козырев. — У нас таких и днем с огнем не сыщешь!»

Майор Булгаков сдал Андрюшку командиру роты связи капитану Кухаркину и приказал завтра отправить его в парк принимать радиостанцию.

— На отделение мы его сразу будем назначать или сначала присвоим звание? — сказал капитан, оценивая поглядывая на Козырева.

— Со званием успеется, а на отделение ставь, — решил Булгаков.

Андрюшка до этого часа и предположить не мог, что скоро станет начальником, но слова майора его не расстроили, а напротив, привели в некоторое замешательство, которое уже очень смахивало на нечаянную радость.

— Повх! — заорал старшина роты, получив приказание от Кухарука. — Построй отделение.

Андрюшка тупо разглядывал стоящих перед ним шестерых солдат, не зная, что сказать, но старшина их представил одного за другим с такими нелестными оценками, что новый начальник затосковал, и вся радость от назначения из него тотчас выветрилась. Особенно не понравились Андрюшке двое шоферов, недавно направленных в линейный полк из Подмосковья, ясное дело, за всякие безобразия. Они смотрели на старшину с явной скукой, а на нового начальника глянули мельком и с нескрываемым презрением.

Через неделю его вызвал майор Булгаков.

— Радиостанцию принял?

— Так точно, товарищ майор.

— Готовься к учениям. А пока займись этим, — и майор протянул Козыреву коробку цветных карандашей «Тактика». — Нацарапай на боковинах карандашей тактико-технические данные всех радиостанций полкового и дивизионного звена.

Андрюшка достал из коробки желтый карандаш, взял небольшое острое шильце и принялся выполнять задание майора. На карандаше было шесть граней, и каждую он заполнял сведениями о радиостанциях: красный карандаш — Р-104, синий — Р-105, желтый — Р-108, и так все цвета. Зачем все это понадобилось начальнику связи полка, Андрюшка не знал, но, видимо, для дела, и выполнил задание командира со всей тщательностью.

Майор его работу одобрил, но этим не ограничился, раскрыл рабочую тетрадь и по ней проверил правильность записей, сделанных на боковинках карандашей. Затем бережно сложил их в коробку и спрятал в планшетную сумку.

— Завтра с утра выезд на КШУ. Получи сухой паек. Пошли за ним Повха. А сам по пути купи пять пачек ленинградского «Беломора», вот деньги, — и, заметив удивленный взгляд солдата, усмехнулся. — Командир полка курит только эти папиросы. А вдруг они у него закончатся? Зачем накликать на себя бурю? Вот ты его и угостишь любимым

куревом.

Дневальный поднял Андрюшку до отбоя. Тот разбудил шофера и радиста, они умылись и поспешили в автопарк. Повх быстро принес аккумуляторы, их присоединили к радиостанциям, появился майор Булгаков и махнул им рукой, чтобы выезжали из бокса.

Полковник Магеря открыл дверцу машины, окинул взглядом Андрюшку, который преданно вытаращился на командира полка, и сел за командирский пульт, откуда доносилось похрипывание рации. Небольшая колонна автомашин покинула город и двинулась по направлению к Карпатам.

Андрюшка не отрывался от прослушивания коротковолнового эфира, вылавливая из шума, писка и треска электрических разрядов позывные своей радиостанции. Изредка полковник на него оборачивался, поглядывал, но доложить ему было нечего, и он виновато пожимал плечами, а лицо командира полка наливалось краснотой, которая не сулила ничего хорошего радийному расчёту.

«Что они там, заснули?» — волновался Андрюшка, и вдруг его толкнул в бок Повх, который прослушивал ультракоротковолновый диапазон. Андрюшка переключил на себя «стоятку» и услышал свои позывные. Он поспешил откликнуться и получил в ответ цифровую радиограмму, которую записал в блокнот и передал офицеру оперативного отдела на расшифровку.

Весь день Андрюшка занимался радиопереговорами, но заметил, что из всей оравы офицеров, которые прибыли на КШУ, делом были заняты только он, командир полка и двое штабных офицеров, работавшие на топографических картах. Все замы давили сачка, а в конце дня спали без задних ног в своих машинах. Полковник Магеря смолит папиросу за папиросой, от него не отставал и шофер Дедов, распоряжавшийся полковничьим «Беломором», как своим. Андрюшка попробовал на него цыкнуть, но старослужащий солдат и ухом не повёл на его замечание. Некурящий Повх поглядывал на сухой паёк, наконец, открыл банку тушенки штык-ножом и опорожнил ее за один заход.

Война на картах закончилась, когда уже начало темнеть, и майор Булгаков приказал на ночь развернуть дипольную антенну, чтобы быть всегда на связи с командиром дивизии. Складные алюминиевые стойки для диполя Андрюшка ставить не стал и, с согласия начальника связи, растянул антенну между двух сосен. Он за день вымотался и, поужинав тушёнкой и сухарями с горячим чаем, лег на шинель возле радиостанции и тотчас заснул.

События минувшего дня не покидали его и во сне, только приобрели фантастическое содержание. Он увидел себя в армейском магазине за покупкой новых погон и лычек, затем в бытовой комнате, где гладил только что постиранную гимнастерку и пришивал лычки на погоны, затем очутился в радийной машине рядом с полковником Магерей, который недовольно его спросил:

— Ты что, глухой? Я же тебе своим приказом присвоил звание старшего сержанта, а ты две узенькие лычки нацепил вместо одной широкой.

Андрюшка растерялся, а полковник обозлился, затопал ногами, схватил солдата за уши и начал их мять и теревить. Андрюшка от боли замычал, а Булгаков одобрительно крикнул:

— Три ему, Дедов, уши, что есть силы!

— Как бы он, товарищ майор, мне по репе не настучал, — заметил шофер. — Бугай здоровый!

— А ты за мою спину прячешься, — хихикнул Булгаков. — Глади, залупал глазами! — майор потянул Козырева за руку и помог ему встать на ноги.

— Срочно сворачивай антенну!

В лесу было сумеречно и ветрено. Высокие сосны покачивались и встревоженно шумели верхами, осыпая за землю сухие иголки, ветки и старые шишки. Андрюшка забыл, на какие деревья повесил антенну, и замешкался. Из палатки вышел полковник Магеря.

— Вы что, еще не проснулись? — недовольно пробасил он. — Булгаков! Через пять минут выезд.

— Не стой столбом! — прошипел начальник связи. — Бегом!

Андрюшка кинулся к ближайшей сосне и угадал: кабель антенны шел к ней. В несколько движений он поднялся метров на десять и почувствовал, что ствол дерева раскачивается, как корабельная мачта во время шторма. Андрюшка крепко прижался к сосне и пополз по ней наверх, бережно переступая с ветки на ветку. Веревку он не развязывал, а перерезал и стал медленно сползать вниз, и ознобный страх не покидал его до тех пор, пока он не наступил на землю.

Командир полка уже сидел в радийской машине, Андрюшка забросил в нее спутанную антенну и перевалился через задний борт «уазика» на свое место. Повх

записывал радиogramму, штабная война продолжалась безо всяких потерь, за исключением того, что вымазанная смолой Андриюшкина гимнастерка стала черной от насевшей на нее пыли, но его беде никто не посочувствовал, ведь во всем был виноват он сам.

Майор Булгаков, так и не осчастливив Андриюшку присвоением сержантского звания, уехал на переподготовку.

Сам того не замечая, Козырев втянулся в армейскую жизнь. Иногда он спохватывался и пытался посмотреть на себя ироничным взглядом, но прежняя самокритичность куда-то из него выветрилась, и Андриюшка стал испытывать удовольствие от подачи строевых команд, он прямо-таки физически ощущал потребность закричать: «Рота, смирно!» — и увидеть, как полсотни солдат замирают на том месте, где их застала команда, а сам Козырев, печатая шаг, идет с докладом к командиру роты с пятерней у виска и всегда одной и той же дюжиной слов рапорта.

Капитан Кухарук оценил рвение Андриюшки и поручил ему заниматься строевой подготовкой с молодыми солдатами. Каждый день Козырев по два раза гонял их по плацу, добиваясь от салажат четкого шага, поворотов на месте и в движении, умения отдачи чести и выполнения необходимых приемов с оружием. Шагистика выветривала из Андриюшкиной головы все шальные и сумасбродные мысли. Он стал забывать гражданку и безнадзорную штатскую жизнь, и когда о ней ему напомнило письмо от Антона, в котором его приятель толковал о распределении материальных благ среди граждан уже близкого всем советским людям коммунистического общества, то прочел его, едва сдерживая легкую позевоту. Конечно, Антон писал умно и злободневно, но Андриюшка только пришел из караула, и его неудержимо тянуло завалиться на кровать, но нужно было еще провести вечернюю проверку, и он, сунув почтовый конверт в тумбочку, занялся пришиванием свежего подворотничка.

В роте, кроме радиовзвода, имелся телефонный взвод, а в нем числилось отделение телефонисток, обслуживающих полковой коммутатор. Первое время Андриюшка не подозревал об их существовании, в расположении роты они не появлялись, ходили на дежурство в штаб полка, который был за расположением воинской части, жили кто дома, кто на частных квартирах. Но вот объявили строевой смотр и на него выгнали всех, в том числе и телефонисток.

Старшина с трудом пристроил их к хвосту роты, там они и простояли до начала прохождения личного состава торжественным маршем, а затем попытались, по знаку капитана Кухарука, удалиться восвояси, но были остановлены полковником Магерей, который узрел девичье войско с трибуны и вернул его в строй. Так они и поплелись следом за ротой связи под громыхание полкового оркестра мимо начальства. Зрелище, конечно, было презабавным, два десятка марширующих девах развеселили всех, кроме полковника Магери, который тут же приказал капитану Кухаруку заняться с ними строевой подготовкой.

Солдаты, ясное дело, пялились на телефонисток, не избежал соблазна и Андриюшка. Всех разглядел и подивился их уродству, ни одной девицы не было без изъяна: одна носата, другая губаста, у третьей ноги колесом, у четвертой в пол-лица родимое пятно...

«Не дай бог, приснится какая-нибудь, — подумал Андриюшка, отворачиваясь в сторону. — Где отыскали таких уродливых и с какой целью?» Вскоре он узнал ответ на этот мудреный вопрос от Кухарука. Как-то капитан, доведенный до отчаяния неспособностью телефонисток освоить азы строевой подготовки, в сердцах брякнул:

— Не мне надо их учить ходить строевым шагом, а начальнику штаба полка!

Андриюшка был рядом и вопросительно уставился на командира, который распустив свою команду, подошёл к нему, чтобы расписаться в книге приказов.

— Подполковник Могильник нам не поможет, — заявил помогавший обучать девиц своему командиру ротный старшина.

— Вот это точно! — хохотнул Кухарук. — Могильник набрал страшилищ, чтобы на них не зарились солдаты, и промахнулся. Солдат, когда на бабу залазит, ей в рожу не глядит, его другое место интересует...

Этот солдафонский треп о таком трепетном и одухотворенном предмете, каким в глазах не изведавшего женских ласк Андриюшки были взаимоотношения между мужчиной и женщиной, уязвил его в самую душу. Он покраснел до корней волос, а тут еще старшина взял да и ляпнул:

— А ты, Козырев, не выбрал себе невесту? Или все заняты?.. Но ты не горюй, вот получишь младшего сержанта, а начальству у нас везде дорога! — и заржал, как стоялый жеребец над своей дурацкой шуткой, и капитан Кухарук похихикивал, довольный ротным острословом.

Между тем старшина о присвоении званий сказал не зря: через неделю младшими

сержантами стали все командиры отделений, все, кроме Андрюшки. Он, конечно, воспринял это как несправедливость, но виду не показал, только стал еще строже и придиричливее относиться к солдатам своего отделения. Доставалось и всей роте, когда Козырев оставался за старшину.

Был в телефонном взводе солдатик, призванный из такой глухомани, что и мыло в своих руках до армии не держал. Он умывал глаза, нос, лоб, щеки, а шея и уши у него всегда пребывали в грязи. Андрюшка с первого раза не углядел этот беспорядок, но однажды, когда проверял, как почистили запятки сапог, обходил роту сзади строя и поднял глаза, то опешил: на шее и ушах солдатика шелушился слой грязи, который было в пору соскабливать ножом.

Он промолчал, но после утреннего осмотра один на один сказал неряхе, чтобы тот привел себя в порядок. Однако на следующее утро грязь пребывала на прежнем месте. Андрюшка вспыхнул и велел четверым солдатам отвезти грязную в умывальник и вымыть. Приказ роте понравился. Солдатика схватили и на руках понесли по коридору в туалетную комнату, где завалили в бетонное корыто, пустили из двух кранов ледяную воду и начали его полоскать, как половую тряпку.

В день возвращения майора Булгакова со сборов Андрюшка был дежурным по роте и, когда начальник связи полка появился, то обрадовался ему, как хохол куску сала. Майор выглядел посвежевшим, отдохнувшим и всем своим видом излучал удовлетворение жизнью.

— Молодец, Козырев! — сказал он. — Благодаря карандашам экзамен по специальности я сдал на отлично.

Андрюшка с трудом вспомнил о карандашах и недоумевающе уставился на Булгакова.

— Я вижу, ты недопетрил, о чем я говорю, — сказал майор. — Попался мне вопрос про двадцатипятую, а я-то знаю, что у меня за хромым голенищем есть красный карандаш, а на нем нацарапаны все тактико-технические данные этой радиостанции. Молодец, Козырев!

Осыпал Булгаков командира отделения похвалами, а про давно чаемые Андрюшкой лычки младшего сержанта промолчал. Было воскресенье, пришли солдаты из увольнения, а двоих не было, как раз шоферов из Андрюшкиного отделения.

— Повх! — сказал он. — Ты все знаешь! Куда подевались эти засранцы?

Но даже всеведущий Повх не знал, где задержались в увольнении приятели. Козырев скандовал роте отбой, ушел в ленкомнату и стал читать газеты. Через час в коридоре послышался шум. Андрюшка открыл дверь и увидел двух пьяных солдат.

— Марш спать! — сказал он. — Завтра я с вами разберусь.

— Ты с собой разберись! Будешь сержантом, тогда и командуй!..

От ярости Андрюшка ослеп и начал молотить кулаками обидчиков. Через несколько секунд они уже валялись на полу коридора. Дневальный с ужасом глядел на командира отделения, а из комнат повыскакивали заспанные солдаты.

— Уберите их с пола, — сказал Козырев и пошел мыть окровавленные руки в туалетную комнату.

Утром как ни в чем не бывало он поднял роту, провел после зарядки утренний осмотр, на котором отсутствовали двое пострадавших от его кулаков солдат. Они сидели на койках и рассматривали в зеркала свои опухшие и синие физиономии. В роте имелись и те, кто постукивал начальству. Первым в расположении появился Кухарук, за ним пришел Булгаков, который немедленно потребовал к себе Козырева.

— А ты дурак! — сказал майор. — Дурак, хотя смотришься умником! Разве можно человека бить по лицу, да еще кулаком! Так его изуродовать можно. Если уж надо кого-то проучить, то возьми валенок, положи в него чугунный утюг и гладь солдата, хоть по шерсти, хоть супротив шерсти. И никаких ему синяков и ушибов.

— Они ушлые, хотя в прокуратуру писать, — сказал Кухарук.

— Вон как! — удивился Булгаков. — Скажи, капитан, своему старшине, чтобы побеседовал с ними и валенок с собой не забыл прихватить, — майор прошелся по комнате и остановился напротив Андрюшки. — И с Козыревым надо решать. Сегодня же напиши ему представление на младшего сержанта. А ты, младшой, иди и посапывай в тряпочку: ничего не было, ничего не знаю!

Глава 4. ПАРТБИЛЕТ – ПУТЕВКА В ЖИЗНЬ

За рукоприкладство Андрюшка очень легко мог бы залететь на два года в дисциплинарный батальон, о котором ходили среди солдат леденящие душу слухи, но старшина роты, прихватив оборудованный утюгом валенок, так убедительно побеседовал с самовольщиками в своей каптёрке, что они навсегда забыли, что с ними происходило в последний месяц. Майор Булгаков, поразмыслив, решил, что

проходимцам не место в самом элитном подразделении полка, и они из роты связи отправились на свинарник, чтобы крепить боеготовность гвардейской части ударным трудом на объекте повышенной секретности, поскольку доступ туда, после забоя части откормленного поголовья, был по особым пропускам и только офицерам.

Опасность загреметь в дисбат для Козырева таким образом улетучилась, но этот поганый случай не прошел для него бесследно. Он, сам того не замечая, быстро повзрослел и перестроился, может, даже в тот час, когда на вечерней проверке капитан Кухарук огласил приказ командира полка о присвоении ему звания младшего сержанта. Это случилось так неожиданно, что Козырев замешкался произнести положенное по уставу: «Служу Советскому Союзу!» — но его добродушно подтолкнул старшина:

— Ты что, заснул, Андрей?

По роте пробежал легкий, похожий на лиственный шелест смешок, и Козырев, который стоял лицом к строю, сердито глянув на разлыбившегося ефрейтора Повха, выполнил требование устава и вернулся на свое место уже совсем другим человеком, чем был за несколько минут до этого. От переживания у него запершило во рту, в голове слегка зашумело, а взгляд затуманился слезной влагой.

Сыграли отбой, солдаты, не мешкая, заняли койки, дежурный по роте погасил свет, и Козырев, взяв из тумбочки заветный пакетик, в котором хранились уже давно купленные сержантские знаки различия и приготовленные для столь важного дела иголка с ниткой, закрылся в бытовой комнате. Отстегнув от гимнастерки погоны, он пришел к ним красные лычки и, одевшись, обозрел себя в зеркало. Сержантские нашивки, значок радиста третьего класса и гвардейский значок — все это вместе преобразило Козырева в бывшего воина, и, пожалуй, впервые в жизни он сам себе понравился и, подмигнув своему изображению, открыл форточку и закурил сигарету.

За дверью кто-то зашуршал, и в комнату просунулся Повх и молодой солдатик, новый водитель радиостанции Синцов. Оба в нижнем белье и сапогах. Козырев строго на них глянул и нахмурился.

— Почему не в койках?

— Вот поздравить вас, товарищ сержант, летим с присвоением звания, — робко произнес Повх и поставил на стол бутылку вина.

— Я этого не видел, — после некоторой паузы произнес Козырев и сглотнул слюну.

— Только поэтому не наказываю. Вино оставить на столе, а сами шагом марш спать!

— Повх и Синцов уныло зашаркали по цементному полу сапогами к двери. Козырев весело поглядел им вслед и строго велел: — Кру-гом! А где разводящий и закусь? — однако обмыть лычки не удалось: в бытовку заглянул дневальный и сообщил, что через плац в расположение роты топают дежурный по полку. — Выпивон откладывается, — объявил Козырев. — Но бутылку я забираю, ведь подарки не возвращают?

— Так точно, товарищ сержант! — резво согласился Повх.

— Младший, пока младший сержант, — ласково поправил подчиненного Козырев.

— А теперь спать.

Бутылку вина он отдал дежурному по роте, чтобы тот ее припрятал. Звание следовало обмыть, но уж никак не с подчиненными, а со своей ровней — сержантами. Засыпая, Андрей подумал, что в воскресенье надо записаться в увольнение, сходить в город, сфотографироваться в парадной форме и послать снимок матери. Других адресатов у него не было. В роте многие строчили письма заочникам и ввали напропалую о своих чувствах, а Козырев в этом смысле был чист и невинен. Все попытки познакомиться и сблизиться с какой-нибудь девушкой заканчивались для него неудачно. Андрей, преодолевая свою врожденную стеснительность, пытался умничать, вполне мог начать толковать о только что прочитанной книге, в которой и сам-то понял написанное с пятого на десятое, и это отпугивало от него девиц, склонных более к шалостям, чем к обсуждению реформ Столыпина. На знакомство нужно было иметь талант, а им Козырев был обделен, не в пример некоторым сослуживцам, которые, прослужив всего несколько месяцев, сумели завести себе подружек, бежали к ним в самоволку, а некоторые, наиболее нетерпеливые, даже женились, хотя это категорически не одобрялось командованием.

Но Козыреву не удалось пофорсить золотистыми лычками на парадной форме в увольнении. Одно воскресенье он пробыл дежурным по роте, другое — в карауле, а третье — встретил в бронированном кузове колесного бэтэра. Начались учения: сначала ротные и батальонные с боевой стрельбой, затем полковые, далее по нарастающей — вплоть до армейских и окружных на полигоне возле унылого городка Яворов.

Начальник радиостанции командира полка — место видное, и Козырев перезнакомился со всеми старшими офицерами части, многим из них бескорыстно стремился помочь, когда они затруднялись прочитать адресованные им сообщения, которые поступали в зашифрованном виде. Шифры были нетрудными, но замполит

подполковник Лысков никак не мог с ними совладать и спешил к Козыреву:

— Что-то я не пойму, что ты накуролесил?

— От начальника политотдела к вам направлены газеты и журналы. Не задерживайте политдонесения, — растолковывал Андрей полученную шифровку.

Замполит приобретал пошатнувшуюся уверенность в себе и важно приказывал:

— Отстучи там, что литературу получил, а политдонесения отправил нарочным.

Замполит встречался с Козыревым на учениях почти каждый день, но не заметил того, что углядел командир дивизии на строевом смотре, проходя мимо роты связи.

— Почему нет комсомольского значка?

— Я не комсомолец, — ответил Козырев, который умудрился пройти мимо авангарда советской молодежи.

Генерал прошел дальше, а к Андрею поспешили начальник политотдела дивизии и замполит полка.

— Начальник радиостанции и не комсомолец? — возмутился полковник. — Куда ты глядел, Лысков? Немедленно принять!

— Мне уже в комсомол вступать поздно, — напомнил Козырев.

— Тогда рекомендую его в партию, — велел полковник. — И не тяни! Организуй рекомендации и принимай.

Лысков на учениях изнывал от безделья и рьяно взялся выполнять указание начальника политотдела. Рекомендацию дали командир роты и старшина, к которым присоединился майор Булгаков, решивший, что воспитание Козырева вполне состоялось и он достоин того, чтобы влиться в передовые ряды строителей коммунизма. Сам Андрей был вне себя от счастья, что приобщится к делу, в правоту которого он безоговорочно верил, так скоро и совершенно для себя неожиданно.

Его приняли кандидатом в члены партии, не дожидаясь конца учений, на лесной поляне, где собрались коммунисты управления полка, и сам полковник Магеря пожал ему руку и поздравил с приобщением к самой могущественной в мире, на тот момент, партийной организации. После собрания Козыревым завладел фотокор дивизионки, и вскоре Андрей смог лицезреть свою физиономию на странице пахнущей свежей краской газеты. Он поторопился завладеть еще двумя экземплярами: один послал матери, а другой — Антону. Приятель прислал ему письмо, где несколько не сетовал, что переписка между ними прервалась, и сообщал, что женился и обзавелся хозяйством: купил корову, развел свиней, уток, гусей, кроликов, и всегда рад его видеть.

В письме не было даже намека на злободневные вопросы, которые волновали Антона год назад, и Козырев с легкой грустью признал, что его приятель круто изменился. Андрюшка и сам за это время многое понял из того, что называют сермяжной правдой жизни. И хотя еще много в нем пузырилось прекраснотуши, розовых надежд и несбыточных желаний, вроде бы покинувших его, но вновь овладевших им после получения кандидатской карточки, которую он, почти не дыша, разглядывал в стороне ото всех, перелистывая хрустящие, похожие на банкноты, странички, и млея от нечаянно свалившегося на него счастья.

Повезло Козыреву и по службе: осенью ему присвоили звание сержанта и наградили краткосрочным, в десять суток, отпуском. За два года службы он подзабыл, как выглядит его барачно-избяной поселок на окраине города, но при встрече с ним не испытал радости узнавания малой родины, слишком уж выглядела она бесприютно и заброшенно. Дымная труба над котельной, клубился угольно-пыльный смог над цехами кирпичного и керамзитного заводов, на улицах антрацитного поблескивала под лучами неяркого солнца черная грязь, избенка, где ждала его мать, еще больше скособочилась на левую сторону, где была печь, кровля замшела, калитка, когда Андрей её толкнул от себя, зашоркала по кирпичам, которыми была выложена дорожка к невысокому крылечку.

Мать встретила его слезами радости, не знала, куда усадить и чем угостить своего ненаглядного Андрюшеньку, все суетилась вокруг, маленькая, худенькая, заметно сдавшая за последние два года, но еще до конца не утратившая своей природной живости.

— Ты, может быть, освободишься от казенной одежды? — сказала она, открывая дверцы старого платяного шкафа. — Все твое висит на плечиках, чистое и выглаженное.

«Покажусь соседям в форме, пройду по поселку и переоденусь, — решил Андрей после некоторого раздумья. — А вот в сапогах по избе ходить негоже».

Он снял китель, разулся и прошел по чисто вымытым половицам к стене, на которой висела большая рамка с фотографиями родственников, начиная с послереволюционной поры, когда фотоаппараты стали в деревнях совсем не редкостью, а привычным спутником людских торжеств и траурных событий. Оба его деда погибли во время Отечественной войны, отец захватил войну краем: сначала учился в ремесленном училище на токаря, затем работал токарем на заводе, и в действующую армию его

призвали в предпоследний год войны. Ему повезло — вернулся домой и к токарному станку в конце победного сорок пятого года.

В те годы женщины в численном отношении преобладали над мужчинами, и Илюшка Козырев очень скоро поменял свою жену-простушку на крашеную стерву, которая приехала в гости к соседям и так вскружила ему башку рассказами о своей шикарной жизни в Подмоскowie, что увела его за собой, как телка на веревочке, и он так и не увидел своего сына до пяти лет, когда вернулся к своей первой жене, но та его не пустила сгоряча на порог, в чем потом каялась до пятидесяти лет, пока из нее окончательно не выветрились воспоминания молодости.

Глава 5. ОТЕЦ

Однажды, перебирая пачку старых фотографий, Андрюшка наткнулся на снимок, с которого на него смотрел белоглазый мужик в пальто с шалевым воротником. Лицо показалось ему знакомым, но кто это, он не знал, пока не поглядел на оборотную сторону фотки, где размашистым почерком было написано: «Любимой Дусе от Ильи». Чернила выцвели, порозовели, но чётко был виден нажим стального пера, которым была сделана подпись.

Для отпускных денег мать пришила к выходным штанам изнутри потайной карман, и, ворочаясь на полке, Андрей ощущал, как похрустывают новенькие десятирублёвки.

Ехать нужно было всего одну ночь, и он почти всю её простоял в тамбуре возле открытого окна, за которым низко над землёй летала луна, мелькали деревья, кусты, шлагбаумы. От ветра, скорости и ровного гула поезда Андрея охватило щемящее сладкое чувство одиночества и какой-то неясной, но близкой сердцу потери. На скоростных перегонах вагон трясло и качало, но к утру поезд, втягиваясь в огромный город, пошёл тише, и все завозились, начали собираться и готовиться к выходу.

Отец жил в двухэтажном кирпичном доме на глухой улочке, затенённой зарослями клёнов и тополей. Во дворе дымился мусорный бак, возле подъезда стоял столик для доминошников, вкопанный в землю, две скамейки, под которыми лежали бродячие собаки. Они равнодушно посмотрели на Андрюшку, когда тот с чемоданчиком в руке вошёл в подъезд. По скрипучим деревянным ступенькам поднялся на второй этаж и остановился перед дверью отцовской квартиры. Кнопки звонка не было. Прокашлявшись, Андрюшка осторожно толкнул дверь рукой. Она легко и без скрипа отворилась.

В узком коридорчике на стене висела вешалка с верхней одеждой, на полу валялась обувь, а в углу стояла стиральная машина. Где-то едва слышно играло радио. Он остановился, переминаясь с ноги на ногу, снова кашлянул, надеясь привлечь к себе внимание. В комнате скрипнули пружины дивана, послышался невнятный торопливый шёпот, и кто-то зашлёпал босыми ногами по полу.

Дверь отворилась, и на пороге показался голый по пояс человек в спортивных брюках и с измятым серым лицом. Не перешагивая через порог, он смотрел на Андрюшку диковатыми глазами. Это был отец. Он мало походил на того человека, что видел Андрюшка на фотографии, но это был он.

— Закурить есть? — спросил отец, едва справляясь с икотой. Андрюшка достал пачку «Опала» и выщелкнул сигарету. Вдрагивающими пальцами с жёлтыми прокуренными ногтями отец взял сигарету и прислонился к косяку. — Спички есть? — Андрюшка зажжёг спичку. — А знаешь, я тебя узнал, — хрипло сказал отец. — Ты Андрей! — отец враз переменялся, схватил сына за плечи, обнял и потащил в комнату. — Вот и сына бог в гости послал! — закричал он. — А может, ты насовсем? Давай на совсем! Я же тебе писал, у меня всё схвачено.

В комнате, тесно заставленной полированной мебелью, стояла хрупкая, узкоплечая женщина. Ровными движениями она расчёсывала светлые волосы и смотрелась в зеркало.

— Познакомься, сын! Это моя жена, Калерия Фёдоровна, — женщина повернулась к нему и скривила вялые губы в улыбке. — Да ты садись, садись! — суетился отец. — А мы вот так и живём, понимаешь... Пятнадцать лет. Как все живём. Я — за чемодан, она — за верёвку.

— Да погоди ты, балаболка! — засмеялась Калерия Фёдоровна. — Ты бы лучше подумал, чем гостя угощать будешь.

— А ведь и правда, — спохватился отец. — Я мигом, магазин за углом.

— Я с тобой, — сказал Андрюшка, стесняясь остаться с незнакомой женщиной.

— Пошли, вместе нескучно, да и поговорим по дороге.

Всю дорогу до магазина отец говорил без умолку. По его словам выходило, что живётся ему лучше всех. Мастер рембытстройконторы, он имел связи во всех слоях и во всех уголках города. Его участок ремонтировал квартиры, стоил дачи, и отец имел дело порой с очень значительными людьми, которые ему были многим обязаны.

— Ты, Андрюшка, переезжай ко мне, — говорил отец. — Чему ты на «кирпичиках» научишься? А здесь специальность получишь, могу и в институт посодействовать. Жить можешь у нас. Калерия женщина добрая, только болезненная. Всё по курортам, а пользы — никакой.

— А почему вы разошлись с мамой? — неожиданно сказал Андрюшка.

Отец остановился и посмотрел на него.

— А чёрт его знает, — сказал он. — Может, я был виноват, может, она. Так закрутилась жистянка. Сейчас и не вспомнишь всего.

Судя по всему, отец был в своём околотке человеком известным. Пока шли до магазинчика, его несколько раз останавливали, спрашивали о здоровье, интересовались какими-то кирпичами, трубами, цементом. Разговаривая с людьми, отец преображался, голос его приобретал значительность, он обещал, отказывал, притворялся непонимающим.

— Наш народ ого-го! — сказал отец. — Ему палец в рот не клади! Каждый так и думает, кого на кривой козе объехать. Но мы тоже не лыком шиты!

Калерия Фёдоровна к их приходу уже собрала на стол.

— Кушайте, кушайте, — угощала она Андрюшку, обращаясь к нему на вы. — У нас ведь всё своё, с дачи...

— Ну, давай, сын, с приездом! — отец поднял стопку.

Андрюшка выпил тёплой водки и взял вилкой ломтик помидора. Калерия Фёдоровна тоже выпила рюмку мелкими частыми глотками, высоко, по-куриному запрокидывая голову. От второй рюмки Андрюшка отказался. Отец похвалил его и стал подливать себе, не забывая жену.

— Тебе, Андрей, надо определяться в жизни. Пусть переезжает, мы его устроим, будет человеком себя чувствовать.

Калерия Фёдоровна поскуачала.

— Ты бы сходил на кухню, чайник поставил, — сказала она отцу. — Понимаете, Андрей, — продолжала Калерия Фёдоровна, когда отец вышел на кухню, — я хочу, чтобы вы меня правильно поняли. Словом, вы не принимайте его слова всерьёз. Он — человек увлекающийся, наговорит, наобещает, а потом мучается, что не может сделать. У него своих неприятностей хватает. Вот уже месяц не работает. Уволили по статье...

— Я и не принимаю всерьёз, — ответил Андрюшка. — Просто приехал посмотреть на отца, и всё.

— Смотрите-смотрите, — вздохнула Калерия Фёдоровна.

— До чая нам ещё рановато, — сказал отец, заходя в комнату. — У нас ещё второе на очереди. Курица! Вот если бы ты попозже приехал. У меня яблочки на даче — во! Делаю ремонт директору питомника, взял саженцы элитные, хоть на выставку яблоки. А огурцы! Всё, понимаешь, блат. Не всё за деньги купишь.

Под курицу отец выпил ещё две стопки водки, раскраснелся, глаза у него заблестели, и продолжал хватать. По его словам выходило, что без него начальство на работе шагу ступить не может, все с ним советуются. Отец говорил и говорил, не давая вставить Андрюшке даже полслова, визгливо смеясь, обнажая редкие зубы. Калерия Фёдоровна захмелела и стала жаловаться на мужа, который в ответ на её упреки вскрикивал:

— А что жизнь? Что? Не знаешь? И молчи!

На свет в качестве вещественного доказательства семейного счастья отец извлёк из серванта плюшевый альбом, набитый фотокарточками, на которых с удивительным постоянством повторились курортные пальмы и застолья. Перелистывая альбом, Калерия Фёдоровна подолгу объясняла, кто изображён на снимках. У Андрюшки от обилия слов закружилась голова, и ему стало не по себе.

«Неужели и у меня, — подумал он, — жизнь пролетит так же бесполезно и серо, неужели и я буду таким, как они».

Андрюшка не поверил в эту неизбежность, но затосковал. Он почувствовал себя неуютно в чужом доме, среди чужих вещей, слов и мыслей, с этими чужими людьми, которые живут своей, не пересекающейся с его судьбой жизнью.

Он встал из-за стола.

— Ты чой-то? Куда? — спросил отец.

— Домой.

— Так мы это, — начал отец, — мы же собирались, ты собирался пожить.

Но Андрюшка решительно подошёл к двери, обулся, взял в руку чемоданчик.

— Лерочка! Останови его! — вскричал отец, но Калерия Фёдоровна молчала, только жалобно улыбалась, потом зарыдала навзрыд и убежала в другую комнату. Отец огорчённо махнул рукой, налил стопку водки и подошёл к сыну. — Ну, давай, это... посошок, на дорожку.

Андрюшка отстранил протянутую руку отца и захлопнул за собой дверь, скатился

по ступенькам и выскочил на улицу. В лицо ударили колкие брызги дождя, и Андрюшка вспомнил, что забыл взять с вешалки плащ. Привалившись к стене, он постоял, затем пошёл вокруг дома к открытому окну квартиры. Под высокими часто посаженными тополями было сухо. Он поднял голову и сквозь шумящий по листве дождь услышал голос отца и всхлипывания Калерии Фёдоровны.

— Так больше продолжаться не может, — говорила она. — Ты совсем заврался. Ты уже не только мне врёшь, что ж, я этого только и достойна, но и своему сыну. Я не говорю про деньги! Но ты никак не поймёшь, что я из-за тебя всё потеряла, даже ребёнка у меня нет! О, господи!

— Успокойся, Лерочка! — бормотал отец. — Ты устала. А насчёт денег, так будут. Мы шабашку взяли в колхозе. К октябрьским пять тысяч, как штык, будут лежать здесь на столе.

Порыв ветра окатил Андрюшку водой, обрушившейся с потяжелевших листьев, и он пошёл на автобусную остановку.

Глава 6. ЧЕМУ ВСЕМУ ГРАМОТА ГОЛОВА

Пока он рассматривал фотографии, мать успела замешать тесто, разожгла керосинку и начала быстро, один за другим метать блины на стол, где Андрей не давал им отлежаться и остынуть, а, свернув конвертиком, макал в сметану и отправлял целиком в рот, какой бы толщины тот ни уродился на сковородке. Съев десятка два блинов, Андрей запил их кружкой молока, встал из-за стола и потянулся к кителю.

— Уже уходишь? — всплеснула руками мать. — Ты, Андрюшенька, долго не ходи, вина не пей, не связывайся со здешним хулиганьем.

Поселковая улица была пуста, но через два дома его окликнул сосед Петр Анисимович, с которым Козырев хаживал на рыбалку.

— Андрюха, ты?

— Я, дядя Петя. Вот, в отпуск приехал.

— И сколько еще служить? — Петр Анисимович от сарая, где складывал дрова, подошел к калитке. — Как медному котелку?

— Следующей осенью демобилизуюсь.

— Конечно, а как же, — Петр Анисимович вынул из кармана пачку «Примы» и предложил сигарету. — Балуешься?

— Бывает, — усмехнулся Андрей. — А ты сколько служил?

— Мне, брат, точно досталось, как медному котелку. Призывали в начале сорок второго, а демобилизовали в сорок седьмом. А ты, я гляжу, в командиры вышел, или в пехоте это просто?

— Я связист, — сказал Андрей. — А петлицы красные, потому что в мотострелковом полку.

— Что же мы на ногах толкуем! — спохватился Петр Анисимович. — Заходи, гость дорогой! А я тебя нет-нет да и вспоминаю, где, думаю, мой побратим по рыбалке? Там-то речка есть?

— Не до рыбалки, — Козырев открыл калитку и прошел знакомой дорожкой к сараю, где хозяин не только хранил дрова, но и рыболовные снасти, а в теплые летние дни переселялся туда жить.

— Садись, Андрюша, я сейчас, — Петр Анисимович достал из небольшой кадушки несколько мочёных яблок, положил их на стол, а рядом поставил початую бутылку водки. — Сын в отпуск приезжал, вот и осталось. Он сейчас у меня знаешь кто?.. Капитан «Метеора», того, что по реке бегаёт, — он наполнил небольшие стаканчики.

— С отпуском, Андрюша!

Они выпили, крикнули, закусили мочёным яблоком.

— Я вот всю жизнь возчиком проработал, — задумчиво произнес Петр Анисимович.

— И все потому, что грамоты не знаю. Могу расписаться, вывеску прочитать, вот эту этикетку на бутылке, а вот ни одной книги не прочитал за жизнь. Другие цену своей грамотности не знают, а я знаю, потому что ее у меня нет. Мой Федор благодаря ей капитаном стал, ты вот — связист, а я как глядел под хвост своему коню, так больше ничего и не видел!

— Зачем ты так, дядя Петя, — не согласился Козырев. — Я вот ни в Берлине, ни в Вене не был, а ты там побывал и не туристом, а победителем, с орденом Красной Звезды, боевыми медалями.

Хозяин опять наполнил стаканчики и добавил закуски. На стол взлетел черно-красный петух и замахал крыльями. Андрей толкнул его на землю и взял сигарету.

— Я воевал топором, — усмехнувшись, сказал Петр Анисимович. — Сам-то ни в кого не стрелял, а вот по нам, саперам, стреляли и бомбили. Города брали грамотные, а мы, таежная темнота, дороги мостили через грязи и реки, мы у боевых людей на

подхватывали. Ордена дали, медали, а за что, не знаю, героизма в моей жизни не было.

Козыреву пришлось по душе честность старого солдата, и он взял стаканчик:

— Твоей жизни, дядя Петя, как ты ее прожил, нам, грамотным, завидовать надо по-хорошему. За это давай и выпьем.

— Не скажи, Андрюша, не скажи! — запротестовал Петр Анисимович. — Сейчас грамота всему голова. Вот у тебя десятилетка, ты грамотный?

— Не знаю. Скорее всего, малограмотный, — подумав, ответил Козырев. — Русский у меня шел на тройки...

— Да я не про эту грамотность, — нетерпеливо перебил его сосед. — Я по радио слышал, что таким нужно диктанты писать. А профессия у тебя есть?

— Есть. Радиотелеграфист третьего класса.

— Это армейское баловство, — пренебрежительно произнес Петр Анисимович.

— Настоящей профессии у тебя нет, такой, чтобы тебя кормила, одевала и детей позволяла на ноги поставить. Значит, Андрюша, ты фактически безграмотный, как и я. Но я лошадь могу запрячь, а ты и этого не умеешь. Вот я и говорю, что тебе учиться надо по-настоящему, в техникуме, а лучше в институте, и в партию поступай, теперь дорога одним партийным. Моего Федора ни за что бы капитаном не поставили, если бы он не был партийным.

Козырев усмехнулся и, отстегнув булавку, вынул из внутреннего кармана кителя кандидатскую карточку. Петр Анисимович был поражен такой неожиданностью, но стаканчик водки помог ему совладать с волнением, он шумно выдохнул, вытер руки тряпкой и произнес дрогнувшим голосом:

— Можно, я гляну?

— Вообще-то, в чужие руки партийный документ отдавать запрещено, но ты, дядя Петя, свой человек.

— Конечно, свой, а как же, — подтвердил сосед и, раскрыв карточку, стал читать, что в ней написано, шевеля сухими потрескавшимися губами. — Точно, Козырев. И фотка твоя. Ну, ты, Андрюшка, молодец! Однако настоящим начальником стать надо, к партийному билету еще институт приложить или речной техникум, как мой Федор.

Мать обрадовалась его скорому возвращению, а еще больше тому, что он, перекусив, переоделся в рабочую одежду, взял топор и принялся колоть березовые чурбаки. Дров было много, и Андрей занимался ими весь следующий день, набил поленьями сараюшку и сложил вокруг нее выше своего роста поленницу.

Помахивал Андрей топором на своем дворе, но нет-нет да поглядывал на дальний конец поселка, прозванный Кулацким, из-за того что там обитали хозяйственные и прижимистые мужики, жившие за высокими заборами в шлакоблочных домах, окруженных курятниками, крольчатниками, свиарниками, коровниками и неперменными в каждом дворе голубятнями.

«Что-то там подделывает мой приятель Антон? — нет-нет да и подумывал Андрей.

— Пока я в армии, он, наверно, столько ума набрался, что теперь мне до него не дотянуться. Шутка сказать, в аспирантуру поступил, а там, наверно, весь «Капитал» наизусть надо знать. Теперь Антону прямая дорога в ученые, профессором будет, он мужик хваткий, такой на ровном месте не споткнется».

Отношения между ними нельзя было назвать дружбой, и по мере того как в Андрее угасало стремление к умничанью, то и об Антоне он стал вспоминать все реже и реже. Но приезд в отпуск был достаточным поводом, чтобы одеть парадную форму и, начистив сапоги, бляху ремня, пуговицы и значки, отправиться в гости к старому приятелю. Он шел по Кулацкому поселку, отмахиваясь от собак выхваченным из плетня березовым дрючком, который не выпустил из рук, пока из-за ворот не раздался знакомый голос.

— Хватит шастать по чужим домам! Иди прочь, не то собаку спущу.

— Это я, Антон! Андрей Козырев.

Щёлкнул крючок на воротном оконце, оно распахнулось, и донеслось:

— Погоди, сейчас пса в конуру загоню.

— Ты кого это от своих ворот отгонял? — сказал Козырев, входя в просторный заасфальтированный двор. — Что, незваные гости захаживают?

— Покоя нет от цыганок, — раздражённо махнул рукой Антон. — С утра до ночи слындают, попрошайничают и тырят, что плохо лежит.

— Это Пушкин виноват, — усмехнулся Андрей. — Поэт видел в них свободных людей.

— А я тут при чем? — буркнул Антон. — Люди их боятся. От страха недалеко до ненависти.

— Чем они так страшны?

— Кинут огонь, и все сгорим. Это у них воля или там свобода, сядут на телегу и

уедут от моего пепелища, а у меня здесь, брат, хозяйство, свиньи, двадцать голов. Слышишь, как меня поторапливают, чтобы я их кормил?

Антон распахнул верхнюю половину ворот свинарника, и на Андрея жадно уставились, повизгивая и похрюкивая, остромордые и поджарые свиньи. Он удивился их худобе и подколот хозяина:

— Ты их к скачкам готовишь? Вот этот на стометровке олимпийского чемпионата на полдистанции запросто кинет.

— Рано их закармливать, пусть костяк нарастет и окрепнет, — сказал Антон. — Я уже пятую партию откармливаю, научился животноводству.

— Ты ведь в аспирантуре учишься, — удивился Андрей. — Зачем тебе свиньи, или денег не хватает?

— А кому их хватает? — усмехнулся Антон. — Тебе хватает?

— Я уже два года на гособеспечении.

— А я должен сам о себе думать.

— Но ведь до коммунизма осталось всего ничего! — вскинулся Козырев. — А там всего будет вволю.

Антон поскуцнел и, взяв два ведра, наполнил их густыми помоями из железной бочки. Затем вылил свинячью еду в большое деревянное корыто. Свиньи почуяли запах запаренного хлеба, картошки, капустных очисток и заголосили, и захрюкали. Опростав бочку, Антон открыл загон, и вокруг корыта сразу же началась давка и свалка.

— И при коммунизме будет так же, — сказал Антон. — Самые проворные и сильные окажутся возле кормушки раньше других. Человеческую природу не изменить ни диктатурой пролетариата, ни проповедью Христа. Или тебя армия еще не отучила от детской веры в светлое будущее?

— А ты, я вижу, — Андрей пнул опустошенное свиньями корыто, — торопишься захватить здесь место?

— Будет у тебя семья, тогда поймешь, как живут люди. Мне тоже не сахар со свиньями возиться, но куда деваться? Аспирантская стипендия сто десять рублей, жена получает на двадцатку больше. Свиней откармливать — занятие почище, чем спекуляция, за нее и срок можно схлопотать. А на свиньях я разжился: дом железом покрыл, «Победу» почти новую с рук купил, на банкет после защиты диссертации деньги есть. И тебе могу занять, если надо.

— А как же твоя партийная совесть? — ухмыльнулся Козырев. — Дает спать по ночам? Не гложет?

— При чем здесь партия? Я ничего противоправного не совершаю. Полгектара картошкой засаживаю на корм свиньям, жмых и зерно покупаю в колхозе.

— А со свинячьих денег ты партийные взносы, конечно, не платишь? — язвительно сказал Андрей. — Или отдаешь все до копейки?

Антон обиделся, засопел и пошел к собачьей конуре.

— Мне пора в институт ехать. И тебе пора уходить. Я сейчас пса выпущу, а он лютый.

Андрей пожал плечами, вышел на улицу и побрел по обочине в сторону своего дома. Когда его догнала и громко просигналила «Победа», он не оглянулся. То же самое сделал Антон, для него Козырев стал обыкновенным пешеходом и еще одним безликим участником дорожного движения.

В оставшиеся до отъезда дни Андрей успел основательно перебрать уличный забор, заменил подгнившие столбики и штакетник, выкрасил зеленой краской ворота и сколотил из фанеры новый почтовый ящик, который укрепил на воротном столбе.

— Для солдата письма — первейшее дело, — одобрил его работу Петр Анисимович. — Я, хоть и неграмотный, тоже слал весточки с фронта, — и, заметив недоумевающий взгляд соседа поторопился объяснить: — У нас во взводе был бойкий парень, так он таким, как я, письма по нашим словам писал. А тебе скоро уезжать?

— Завтра.

— Тогда погоди, — заторопился Петр Анисимович. — Я мигом обернусь.

Бывалый фронтовик знал, что нужно солдату в дорогу, и скоро вернулся с большим куском соленого сала, завернутым в белую тряпицу и заманчиво пахнущим чесноком. Козырев для вида поотнекивался, но подарок из рук не выпустил.